
ЦЕННОСТИ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Тарасова Ю. А.*

Статья посвящена анализу ценностей современного российского общества в условиях глобализации. Ценности являются основой культуры и залогом ее существования и развития. Автор исследует существующие концепции сохранения культурной идентичности и делает вывод о необходимости возрождения интереса к истории России, поддержки семьи, религии и языка.

Ключевые слова: идентичность, культура, культурные ценности, национальное самосознание, русская идея, глобализация, информатизация.

The paper is devoted to the analysis of modern Russian society's values under the conditions of globalization. The values constitute a basis of culture and a prerequisite for its existence and development. The author explores the existing concepts of saving the cultural identity and draws a conclusion about the necessity of revival of interest to Russian history, support of family, religion and language.

Keywords: identity, culture, culture values, national consciousness, the Russian idea, globalization, informatization.

Глобализация является трендом развития современного общества. Изучению ее проявлений и последствий для экономики, экологии и других сфер жизнедеятельности различных народов посвящены многочисленные труды экономистов, историков, социологов, политологов и философов.

В качестве проблем глобализирующегося мира выделяют: неравномерность, значительный перевес западных стран в получении выгод от экономической интеграции; проблемы экологии (глобального загрязнения окружающей среды), глобальной преступности и терроризма; наконец, проблему унификации культурного ландшафта. Остановимся на последней и рассмотрим возможные сценарии трансформации ценностей современной российской культуры в условиях глобализации.

Внимание к данному вопросу определяется тем, что «самобытность той или иной культуры покоится скорее на ее особенном способе разрешать проблемы, прокладывая перспективу для ценностей, являющихся примерно одинаковыми у всех людей» [Леви-Стросс 2000: 341]. Ценности представляют собой своеобразный культурный код, ибо каждая культура рождает свою систему ценностей. По ней можно судить о том, насколько успешно протекает процесс культурной идентификации нации, народа, происходит укрепление или разрушение национального самосознания, сохраняет ли нация себя как носителя уникального, только ей присущего типа культуры, или она постепенно утрачивает эту историческую миссию [Ясеницкий 2007: 24].

* Тарасова Юлия Анатольевна – к. и. н., доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Сызранского филиала ФГБОУ ВПО «Самарский государственный экономический университет». E-mail: sangria80@yandex.ru.

Рефлексия на тему соответствия культурного кода практике реальной жизни дает представителям народа чувство полноценности или неполноценности по отношению к другим культурам, веру в непрерывность истории и благоприятность дальнейшего развития.

Очевидно, что культурный код меняется в зависимости от меняющихся внешних обстоятельств в соответствии с принципом реальности. Но очевидно также, что изменения эти занимают длительное время и нацелены прежде всего на включение нестабильных внешних условий в стабильную, выработанную веками цивилизационную матрицу. Рассмотрим новые факторы внешней среды, которые появляются в процессе глобализации.

Э. В. Соколов считает, что глобализация практически уже привела современное человечество к формированию другого универсума, которое он назвал «единым социокультурным пространством» [Соколов 2000: 154]. Полем его существования можно считать информационное общество, к появлению которого привела новая экономика, основанная преимущественно на производстве, передаче и использовании информации. В настоящее время информационное общество выступает как инновационная смыслообразующая парадигма постижения современного мира.

Такой же точки зрения придерживается американский публицист Т. Фридман: «Глобализация 3.0 [третья стадия глобализации]... сокращает мир до предела: мир перестает быть маленьким и становится крошечным, и в то же время она выравнивает всемирное игровое поле. ... Движущей силой Глобализации 3.0 – что и является ее уникальной особенностью – становится сформировавшийся потенциал для глобального сотрудничества и конкуренции, который теперь доступен отдельной личности. Средством, позволившим людям и группам людей так легко и беспрепятственно выходить на глобальный уровень, оказались не лошадиная сила и не машинная мощь, им оказались компьютерные программы, бесконечные разновидности новых приложений – и глобальная волоконно-оптическая сеть, превратившая всех нас в ближайших соседей. Теперь каждый человек должен и способен задать вопрос: каково мое место в глобальном соревновании и сегодняшней перспективе и как мне самому сотрудничать с другими людьми на глобальном уровне?» [Фридман 2006: 6.] Автор совершенно уверен и убедительно доказывает, что глобализация дает преимущества представителям всех культур. Однако такое восприятие единого информационного пространства представляется идеализированным. «Ближайшие соседи» в информационном пространстве могут по-разному воспринимать информацию, работать с ней и транслировать ее.

Информация – не столько смысл, сколько знак. Сама по себе она является неупорядоченным потоком лишенных смысла «следов», которые познаваемые объекты оставляют в сознании субъекта. Информация – «черный ящик» хаоса таких «следов» – кодов, условных знаков. Их декодирование предполагает предварительное знание установленных кодов. В современном мире уже угрожающе «растет разрыв между информацией и знанием, между знанием и мудростью» [Киссинджер 2002: 321].

Таким образом, формирование единого информационного пространства не гарантирует формирования единого культурного пространства, что доказывается ростом противоречий между различными культурами, непрекращающимися конфликтами, связанными с религиозными и национальными мотивами.

Тем не менее единое информационное пространство является свершившимся фактом современной реальности. И оно выступает полем продвижения западных культурно-исторических моделей странами, вставшими во главе глобализационных процессов. Оценки этой тенденции достаточно неоднозначны. Известный антрополог К. Леви-Стросс отмечал: «Далекие от состояния закрытости в себе самих, все цивилизации признают, одна за другой, превосходство одной из них – западной цивилизации».

Страны недостаточно развитые упрекают других на международных ассамблеях не в том, что их озападнивают, но в том, что не столь быстро представляют им средства себя озападнить» [Леви-Стросс 2000: 341].

Политолог Джозеф Най указывает, что культурно-идеологическая привлекательность США служила и продолжает служить основой «мягкой силы» этой державы, способной содействовать построению нового, более совершенного миропорядка [Най 2004].

Но оценки представителей западной культуры вряд ли могут быть вполне объективными и применимыми к российской реальности. В целом же отечественные социологи, политологи и историки негативно оценивают последствия вестернизации для России [см.: Покровский; Алексеенко 2009: 65–70; Пензина 2012: 228–233 и др.]. В связи с этим растет интерес к проблеме альтернативного, русского ответа вызовам глобализации.

Каковы же основы русской культуры на современном этапе, ее базовые ценности? Прежде всего очевидна специфика российской ситуации, которая заключается в том, что на уровне общественного сознания Россия утратила, «потеряла» базовые ориентиры своего бытия после распада Советского Союза. По мнению М. Т. Степанянц, Россия «утратила» ранее имевшуюся идентичность и тем самым оказалась чрезвычайно уязвимой для веяний извне. Если разрушены, размыты, неопределенны «границы», укрепленные культурными ценностями и институтами, значит, отсутствует иммунитет, способность сопротивляться инокультурному «вторжению» [Степанянц 2008: 134]. То, что этот слом действительно имел место, доказывает большое количество исследований, посвященных поиску новой национальной идеи в 1990-х – начале 2000-х гг. Однако остается вопросом, насколько утрата наднационального идеала советского общества затронула глубинные пласты русской культуры. Как отмечает Л. Г. Королева, «культура зиждется на определенном религиозно-философском фундаменте, отражая ту или иную интерпретацию смысла и путей истории, собственно, места человека в ней» [Королева 2006: 81]. В качестве основы формирования самосознания российского народа отдельные ученые выдвигают геополитический аспект – положение и жизнедеятельность российского государства на разных этапах своей истории на стыке Европы и Азии, уникальность «евразийства» и несводимость, таким образом, его исторического опыта к моделям Запада или Востока [Пашков 2007: 10–16]. Отсюда вытекает, что Россию следует идентифицировать как евразийскую многонациональную субцивилизацию [Клубков 2013: 209–211]. Данное предложение открывает возможность самоидентификации по национальному признаку. Однако отнесение себя к «евразийству», объясняя особенное в становлении государства, все же не может дать чувства преемственности русской истории на современном этапе. Можно сказать, что термин «евразиец», отвечая на вопрос «кто?», оставляет в стороне вопрос «какой?».

Интересным является исследование Ю. А. Урютовой. Она отмечает в первую очередь две оси самоидентификации русских – русский язык и православие. Автор относит расцвет национального самосознания к XIV в. По мнению исследователя, реформы Петра I привели к расколу исторического самосознания, который в дальнейшем нашел отражение в споре славянофилов и западников [Урютова 2012]. Следует отметить, что раскол произошел и в другой плоскости – культура элиты все дальше отходила от культуры основной массы народа. Именно реформы Петра I можно смело назвать первым опытом вестернизации России. Также следует согласиться с оценкой автором советского эксперимента как закономерного этапа реализации ценностей российской культуры, а не ее слома.

С одной стороны, диктатура пролетариата постаралась искоренить религиозные представления в культуре масс. Но сами ценности православия – стремление к справедливости, народной правде, соборности – во многом легли в основу нового режима. Не случайно в поэме «Двенадцать» А. А. Блок поставил над отрядом красногвардейцев фигуру Иисуса Христа. Понимая неприемлемость на уровне официальной риторики такого окончания, поэт интуитивно нашел наиболее оправдывающий и адекватный авторитет в философско-символическом пространстве современной ему культуры. Конечно, с 1918 г. представления о национальном идеале социальной справедливости и его выразителях значительно и неоднократно менялись, о чем свидетельствует и существование культа личности, и появление в последние годы существования советского государства двойной морали, выражавшейся в отношении «все вокруг колхозное – все вокруг мое». Энтузиазм первых строителей светлого будущего сменила приспособленческая идеология партийных функционеров. Однако среди большей части населения продолжала существовать уверенность в том, что трудолюбие, хорошее образование и нравственность являются гарантией если не успеха, то все же определенного уровня жизни и престижа в рамках советского общества. Коренные перемены в социально-политическом строе России и уменьшение ее влияния на международной арене создали пространство неопределенности, вызвавшее необходимость актуализации существующих или создание новых ценностных установок, которые дали бы возможность войти в очередной плодотворный период развития.

Национальные ценности выявляются путем наблюдения бытия народа. В рамках научного исследования мы можем обратиться к социологическим опросам, официальным документам Российского государства и исследованиям научного сообщества, посвященным этой теме. В 2004–2005 гг. ВЦИОМ проводил исследование, в котором был задан вопрос: «Как вы считаете, есть ли какие-то идеи и ценности, которые могли бы объединить российское общество, и если есть, то какие?» В 2004 г. в пятерку лидеров вошли: «Повышение уровня и качества жизни населения» (36,36 %), «Стабильность, порядок» (27,96 %), «Равенство всех граждан перед законом», (24,33 %) «Сильная держава» (19,63 %), «Семья, будущее детей» (18,69 %). «Мораль, нравственность, достоинство личности» выбрали лишь 11,54 % населения [Исследование ВЦИОМ 2004]. В 2005 г. приоритеты респондентов в целом остались прежними: «Повышение уровня и качества жизни населения» (47,69 %), «Стабильность, порядок» (35,44 %), «Равенство всех граждан перед законом» (22,94 %), «Сильная держава» (22,76 %), «Мораль, нравственность, достоинство личности» (17,38 %), «Семья, будущее детей» (15,17 %) [Исследование ВЦИОМ 2005]. Отметим, что мораль и нравственность несколько

«потяжелели». Однако большая часть населения увидела основные объединяющие ценности все же в материальном аспекте бытия – повышении уровня и качества жизни, стабильности, равенстве перед законом.

В 2006 г. на официальном уровне вице-премьером Сергеем Ивановым было заявлено, что «Россия завершила трудный, идущий с начала 1990-х гг. процесс формирования новой системы ценностей, определяющих мировоззренческую основу общества в наступившем тысячелетии. Впервые с момента провозглашения новой России мы смогли четко сформулировать ясный ответ на ключевые для любого народа и государства вопросы: Кто мы? Куда идем? В каком обществе хотим жить?» Ответ сводится к «триаде национальных ценностей: суверенная демократия, сильная экономика и военная мощь» [Иванов 2006: 4]. Очевидно, сформулированные национальные ценности совпадали с чаяниями народа.

В 2011 г. на вопрос о национальной идее премьер-министр В. В. Путин выразился осторожнее, словами А. Солженицына, – «сбережение народа», под которыми он понимал развитие и движение к конкурентоспособности во всем – от экономики до искусства [Путин...].

Сравним эти национальные идеалы с теми, что предлагает западная цивилизационная модель. Основными принципами и ценностями западного общества являются: принцип свободы личности и индивидуализм, либеральная демократия, научный и культурный прогресс, незыблемость права частной собственности, рыночная модель либеральной экономики. Сами по себе они крайне привлекательны и, как показывают результаты социологических опросов, уже нашли широкое признание в России. Однако положение морали и нравственности, сместившихся так низко на шкале национальных интересов, говорит о том, что не все благополучно с восприятием этих ценностей современным российским обществом.

Н. Е. Покровский утверждает, что в отношении российской культуры особенности вестернизации состоят в «иррационализации рациональных матриц (доведение до абсурда рациональных элементов культуры), приоритете количественных характеристик (коммерциализация), готовности к употреблению (оперантность), полностью гарантированном качестве на определенном уровне, упакованности в яркие символические формы, виртуализации культурных образов (создание виртуальной реальности, в которой разворачивается культурный феномен)» [Покровский 2002]. При этом, по мнению автора, вестернизация ведет к саморазрушению общества.

Потребление продуктов модернизации не может быть единственным основанием бытия и развития традиционной культуры, но вполне может служить основой культуры массовой, которая, в свою очередь, формирует личность потребителя. В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г. именно засилье массовой культуры низкого качества указывается как одна из главных угроз национальной безопасности [Указ... 2009].

Таким образом, можно сделать несколько выводов. Прежде всего формирование единого информационного пространства повлекло за собой как положительные, так и отрицательные последствия. При росте возможностей оно привело к транслированию западных культурных ценностей и угрозе нивелирования культурно-исторического ландшафта. Эти тенденции особенно очевидны в культурном пространстве Российской Федерации, которая, вступив в эпоху перемен и

разочаровавшись в наднациональных идеалах советского общества, оказалась наиболее подвержена влиянию извне.

Несмотря на заявления официальных лиц, национальная идея далека от формулирования или даже явной феноменологии. Тем не менее интерес в научном сообществе, политических и религиозных сообществах к этому вопросу показывает его злободневность, потребность в исследовании и выявлении новых рубежей. Диалог культур возможен лишь при условии того, что каждая из них чувствует полноценность по отношению к партнеру.

Представляется очевидным, что наряду с конкурентоспособностью, сильной экономикой, военной мощью приоритетами государства и общества должны стать возрождение интереса к российской истории, поддержка семьи, сохранение языка и религии. Именно эти ценности служат основами традиции и источниками дальнейшего развития.

Литература

Алексеев О. В. Вестернизация как одна из тенденций развития современного мирового пространства // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Политология». 2009. № 4. С. 65–70.

Иванов С. Триада национальных ценностей // Известия. 2006. № 124. 13 июля. С. 4.

Исследование ВЦИОМ [Электронный ресурс]. URL: http://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=172&q_id=14318&date=20.01.2004 (дата обращения: 10.07.2013).

Исследование ВЦИОМ [Электронный ресурс]. URL: http://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=134&q_id=11404&date=07.08.2005 (дата обращения: 10.07.2013).

Киссинджер Г. Нужна ли Америке внешняя политика? М. : Ладомир, 2002.

Клубков А. А. Евразийская цивилизационная идентичность России: философско-культурологические и геополитические аспекты // Мир науки, культуры, образования. 2013. № 2(39). С. 209–211.

Королева Л. Г. Концепт культуры и проблема социокультурной идентичности // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2006. № 1. С. 78–82.

Леви-Стросс К. Раса и история / К. Леви-Стросс // Путь масок. М. : Республика, 2000.

Най Дж. «Мягкая» сила и американо-европейские отношения // Свободная мысль – XXI. 2004. № 10.

Пашков Р. В. Евразийство в условиях глобализации // Территория науки. 2007. № 1. С. 10–16.

Пензина Е. В. Феномен глобализации: глобализация и вестернизация // Вестник Красноярского государственного аграрного университета. 2012. № 8. С. 228–233.

Соколов Э. В. Социальные нормы, запреты и стимулы деятельности в мировом сообществе XXI века // Запад или человечество? СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского философского общества; Алетейя, 2000.

Покровский Н. Е. Глобализация или американизация: ценностные структуры популярной культуры в России конца XX века. Отчет о НИР № 98-06-80384 (Российский фонд фундаментальных исследований).

Покровский Н. Е. Глобализация и душа: рефлексии по поводу американизации и глобализации русской души. 2002 [Электронный ресурс]. URL: http://www.prof.msu.ru/publ/book5/c5_2_5.htm (дата обращения: 12.07.2013).

Путин назвал национальной идеей «сбережение народа» // Русский обозреватель. 2011. 1 июня [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rus-obr.ru/ru-web/11310> (дата обращения: 12.07.2013).

Степанянц М. Т. Россия в глобализирующемся мире // Философский журнал. 2008. № 1. С. 133–147.

Указ Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. № 537 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» // Российская газета. 2009. № 4912. 19 мая.

Урютова Ю. А. Русская национальная идентичность: апелляция к прошлому для создания будущего // Общество: политика, экономика, право. 2012. № 2. С. 11–17.

Фридман Т. Плоский мир. Краткая история XXI века. М. : АСТ, 2006.

Ясеницкий И. А. Генезис формирования отечественной социально-философской концепции ценности // Вестник Самарского государственного университета. 2007. № 5–3. С. 23–30.